

**Борис
КУЗНЕЦОВ:**

**«Я
ЧЕЛОВЕК
СКРОМНЫЙ,
НО
ОЧЕНЬ
ТАЛАНТЛИВЫЙ»**

– Борис Аврамович, Вы один из самых уважаемых адвокатов России, у Вас свое адвокатское бюро, пользующееся заслуженным авторитетом, широкий круг клиентуры, а как вообще становятся известными адвокатами?

– Вы знаете, есть несколько, с моей точки зрения, категорий адвокатов. Одни становятся известными, будем говорить, случайно. Я к таким адвокатом в определенной степени и отношусь. Имя у меня появилось в 90-м году, когда я успешно защищал генерала КГБ Олега Калугина. Он был лишен государственных наград, воинского звания и пенсии. Это было дело, не имеющее аналога в истории советской судебной практики. Посудите сами: бывший генерал КГБ бросает вызов Президенту СССР, Председателю Совета Министров СССР, Председателю КГБ! Вообще это было громкое и сложное дело. На судей сразу началось давление, мне, как адвокату, чинили препятствия в получении документов. Мой телефон постоянно прослушивался. Благодаря вмешательству людей, которые не побоялись встать на защиту справедливости в этой сложной ситуации (и среди них – председатель Верховного Суда СССР В.М. Лебедев, его заместитель В.М. Жуйков), Московский городской

суд все-таки «решился»... 2 октября 1990 года коллегия по гражданским делам Мосгорсуда приступила к рассмотрению иска Калугина к КГБ о незаконном лишении его пенсии. Ответчика представлял один офицер КГБ, ведавший пенсионными делами. Представитель был краток: в случае лишения Калугина воинского звания вопрос о выплате ему пенсии решится автоматически, то есть... ее не будет. Но дело в том, что у меня был заранее подготовлен оригинальный ход. Моя совершенно неожиданная находка привела Правительство СССР и КГБ в полную растерянность. У меня есть старая привычка каждый день просматривать газеты. И что-то я не смог припомнить, чтобы в тот день, когда Калугина лишили звания, пресса что-то сообщала о заседании Совета Министров. Я перепроверил, не нашел ни одного упоминания о заседании. Потом позвонил одному из союзных министров, с которым был знаком. Это был Воронцов Николай Николаевич, единственный беспартийный министр (по экологии), профессор, доктор биологических наук. Я ему позвонил и спросил: «Николай Николаевич, было ли заседание Совета Министров 29 июня?» Он говорит: «Нет, в этот день не было». Тогда я направил министрам официальные запросы, притом совершенно идиотско-

го содержания, за подписью разных депутатов. Ну, например, такого содержания министру деревообрабатывающей промышленности: «Почему Вы не были на заседании министров такого-то числа, где рассматривался вопрос о строительстве Байконурского деревоперерабатывающего комбината?» В этом случае запрос был подписан Старовойтовой. На что раздается звонок: «Скажите этой дуре, что на Байконуре деревья не растут, что там степь голая. А что касается заседания Совета Министров, то вопросы никакие рассматриваться не могли, потому что не было заседания в этот день». И когда на суде этот представитель Рыжкова предъявил постановление Совета Министров СССР, я сказал, что это подложный документ, и выложил 16 ответов от министров, которые подтверждали, что заседания Совета Министров не было. Дело было выиграно.

В дальнейшем наши пути с Калугиным разошлись, и я не представляю его интересов в настоящее время. Больше того, я считаю, что он совершил недостойный поступок, выступив по делу бывшего нашего агента, который работал в американской военной разведке. И с помощью Калугина – не знаю, насколько эта помощь была велика или мала, Трофимов получил пожизненное заключение. Я считаю, что оперативный работник не может сдавать агентуру, врач – пациентов, адвокат – клиентов. После этого недостойного поступка я публично выступил и заявил, что порываю с ним отношения.

– По Вашему мнению, адвокат – это призвание или профессия?

КУЗНЕЦОВ Борис Аврамович

Старший управляющий партнер адвокатского бюро «Борис Кузнецов и партнеры» Межреспубликанской коллегии адвокатов.

Родился 19 марта 1944 года. С 1962 по 1982 г. служил на должностях оперативно-начальствующего состава в Ленинградском и Магаданском уголовном розыске. Участвовал в раскрытии краж дуэльных пистолетов из Музея-квартиры А.С. Пушкина, краж из Эрмитажа и Русского музея, хищения промышленного золота на приисках Чукотки, сотен других преступлений.

С 1982 года занимается адвокатской, научной и правозащитной деятельностью. С 1989 года – советник группы народных депутатов СССР – членов Межрегиональной депутатской группы. В июле 1990 года создал адвокатское бюро «Борис Кузнецов и партнеры», которое до 1995 года было в составе Санкт-Петербургской коллегии адвокатов, а с 1995 года – в МРКА.

Вошел в справочно-энциклопедические издания: «Лица России» (1999, 2000), «Кто есть кто в России» (1997, 1999), «The International Who's Who» (1998–1999, 2001–2003).

Эксперт Комитета по международным делам Государственной думы, член Московского Английского клуба.

Награжден Золотым Почетным знаком «Общественное признание», Золотой медалью Фонда 200-летия А.С. Пушкина, медалью Анатолия Кони, медалью «300 лет Российского флота», золотым именной кортиком (за защиту интересов российских моряков в Севастополе). Российско-американский Институт права признал его в 2002 году адвокатом года.

По опросам журналистов и читателей газеты «Версия» (июль 1999 г.), журналов «Деньги» (июль, 1996 г.) и «Лица» (1999–2000 гг.), вошел в пятерку лучших российских адвокатов. Влюблен в жену Надежду, чьим именем назван построенный дом-фрегат. Имеет троих детей и троих внуков.

Кредо: «Если доказательства невиновности человека находятся в куче дерьма, а у меня связаны руки, я достану их зубами».

– Национальность... А если говорить серьезно, то это и призвание, и весьма непростая профессия, требующая много знаний и жизненного опыта. И если это соединяется в одном человеке, то могу с уверенностью сказать, что это – как минимум, хороший адвокат.

– Как у Вас складываются отношения с коллегами, существует ли конкуренция между адвокатами?

– Конечно, существует. Это абсолютно нормальное явление. Конкуренция в адвокатуре существовала всегда. Правда, есть как бы несколько ее уровней. Существует конкуренция среди известных и очень авторитетных адвокатов, да в этой среде интересы иногда перехлестываются. Но я считаю, что нужно всегда очень скрупулезно соблюдать этические нормы. Я сейчас не буду приводить примеры – это не так важно. Конкуренция также существует в каждой отдельной взятой адвокатской конторе, но у меня в бюро ее нет.

– У всех есть, а у Вас нет? Это секрет фирмы?

– Секрета никакого нет. Просто так исторически сложилось. По существу, есть мои партнеры, они разные по возрасту, в основном это молодежь, и равных мне в конторе адвокатов по опыту, по профессиональным знаниям ну и, конечно, по имени нет. Поэтому получается, что один – старший партнер, остальные – младшие. И от них скрыты все вопросы, связанные с тем, кто какой гонорар получает. Каждый получает отдельно, на каждого своя ведомость. Понимаете? У нас не принято интересоваться такими вопросами. Ведь конкуренция за счет чего? Только за счет ка-

ких-то материальных вещей. Иногда достается кому-то из адвокатов больше, кому-то меньше. Это, с моей точки зрения, совершенно нормально, потому что здесь и уравниловки никакой быть не может. Но гонорарную практику определяю я сам.

– Случается ли, что подзащитный становится Вашим настоящим другом?

– Бывает по-разному. Иногда случается, что ко мне приходят мои друзья, товарищи и говорят: «Так-то и так-то, нарушены мои права, выручай, Аврамыч!». И я им всегда с удовольствием помогаю. А бывает, как Вы сказали, после судебного разбирательства мы с подзащитным остаемся, если не лучшими друзьями, то хорошими товарищами. Такое происходит не всегда, но случается. Примеров могу много привести. Я просто хотя бы покажу Вам несколько книжек, подписанных моими товарищами, которых я когда-то защищал. (Этими «несколькими книгами» оказалась целая библиотека, едва помещающаяся на восьми полках громадного шкафа. За полчаса беглого просмотра перед моими глазами пролетели десятки, если не сотни книг, на обложках которых виднелись теплые слова благодарности,

А. Вольский вручает Золотой Почетный знак «Общественное признание»

добрые пожелания, искренние признания в любви и дружбе.)

– Среди Ваших друзей много представителей творческой элиты, чем это объясняется?

– Я, например, не играю на музыкальных инструментах, не пишу музыку, стихов, за исключением каких-то смешных поздравлений друзьям. Да и времени у меня на это нет. А человека всегда тянет туда, где он как бы чувствует свои пробелы. Поэтому я дружу и общаюсь с великими музыкантами, поэтами, актерами. Я встречаюсь с Виктором Третьяковым, Григорием Жислиным, Владимиром Спиваковым, Евгением Журбиным, Максимом Дунаевским, Женей Рейном.

С женой Надеждой, Марией Чистойвой и Святославом Бэлзой

Всех прокуроров и следователей вижу насквозь

Общаюсь я и с Беллой Ахмадулиной, и с Эммануилом Виторганом, и с Резо Габриадзе, и с великим композитором Гией Канчелия. Да я могу бесконечно перечислять всех этих талантливых людей. Ну, конечно, никак не могу не назвать очаровательную Людмилу Гурченко, Александра Ширвиндта, Льва Лещенко, Алексея Козлова, Игоря Бутмана, Михаила Глузского, Александра Градского, Гарика Сукачева, Инну Чурикову, Глеба Панфилова, всех не перечислить...

– А адвокат, по Вашему мнению, творческая профессия?

– В общем-то, да, но очень все-таки специфическая. Это – не книжки писать. Понимаете, если ты напишешь плохую книжку, то максимум – ее никто не издаст; а тут за твоей спиной стоят люди, судьба человека. Поэтому ответственность сумасшедшая. Конечно, это не ответственность судьи. Тем не менее от адвоката зависит очень многое, а иногда просто все.

– Самый интересный юридический казус в Вашей практике.

– Их столько было! Например, дело Шумейко и мое письмо к Илюхину! Суть дела такова: В.И. Илюхин на своей пресс-конференции заявил, что будто бы Владимир Фи-

липпович Шумейко каким-то образом покровительствовал Соловьевой и ее «Властелине». Потом эту информацию газета «Коммерсантъ daily» распространила тиражом в 110300 экземпляров. Соответственно, был подан иск к Илюхину о защите чести и достоинства, где я представлял интересы Шумейко. Но ответчик в суд не являлся, его представитель заявлял то, что он находится в командировке, то, что занят большими государственными делами. Поскольку Илюхина было тяжело «загнать» в суд, я написал письмо на имя Председателя Государственной думы Г.Н.Селезнева, где просил оказать воздействие на его коллегу: «Прошу разъяснить господину Илюхину В.И., что его неявка в суд и проявленное таким образом неуважение к Суду и Закону не повышают авторитета депутатов высшего законодательного органа России у населения страны. Не исключаю, что в день судебного заседания наш ответчик внезапно заболеет, но мне представляется, что его заболевание может быть связано исключительно с естественной физиологической реакцией организма на чувство страха. Со своей стороны я обеспечу ответчику все необходимые гигиенические принадлежности, комплект нижнего белья на смену, а так же химические препараты для озонации воздуха в зале судеб-

ного заседания. Посоветуйте г-ну Илюхину не надевать генеральский мундир, так как у меня может возникнуть проблема с запасными генеральскими штанами для него», – и отправил это письмо. Пока дошло до Геннадия Николаевича, оно было размножено в огромном количестве. И Илюхин прибежал, явился в нужный день с иском, заявлением уже на меня. Но, естественно, поскольку основание иска было другим, судья ему отказал. А так как там были журналисты – все это появилось в прессе. Мое письмо было напечатано в нескольких газетах. В этот же день я пришел и написал еще одно письмо Селезневу: «Дорогой Геннадий Николаевич, большое спасибо за то, что Вы оказали воздействие на Илюхина: он в суд явился, поэтому я свое письмо отзываю». Отзыв делал иск Илюхина бессмысленным. Но самое главное – газеты опубликовали не мое письмо, а исковое заявление самого Илюхина, где стояла его подпись. Так что в суде, когда уже представлял интересы «Московских новостей», я согласился с тем, что иск подлежит удовлетворению и автор должен быть наказан. В данном случае автором являлся никто иной, как Илюхин. Вот таким образом я с ним расправился! Сейчас он, как увидит меня в Думе, через весь коридор бежит здороваться. Уважает. Вообще было много интересных дел. У Караулова выиграл штук шесть, наверное! Говорят, когда он мою фамилию слышит, потеть начинает.

– Судья во всех случаях для Вас авторитет?

– Суд – авторитет. А вот судьи разные, разные адвокаты, разные и отношения между ними. Перед целым рядом судей я просто преклоняюсь. С огромным уважением отношусь к Яковлеву Вениамину Федоровичу, Председателю Высшего Арбитражного суда, и считаю, что он – блестящий юрист и очень порядочный человек. То же самое могу сказать о всем составе Верховного Суда: его Председатель – Лебедев Вячеслав Михайлович, все его заместители – и Сергеева Нина Юрьевна, и Жуйков Виктор Мартенианович, и Верин Валерий Петрович, и Радченко Владимир Иванович – все они первоклассные юристы, честные и порядочные люди. Такие же судьи есть и в районных, и в

С адмиралом Игорем Хмельновым

Заместитель Главкома ВМФ В. Васильев вручает именной золотой кортик

городских судах. А есть совсем другие судьи, с которыми я даже на одном гектаре чая не сяду пить.

– На судебном заседании обвинитель для Вас противник или враг?

– Обвинитель – всегда противник, но иногда это оппонент, который заслуживает уважения, а иногда это враг.

– Когда же он становится врагом?

– Понимаете, есть вещи очевидные. Если обвинитель руководствуется одними лишь конъюнктурными интересами, лишь бы поддержать кого-то, когда на кону находится судьба человека, – как к нему по-другому можно относиться? За примером далеко ходить не надо. Возьмем дело «Аэрофлота». Там сидят два работника прокуратуры: один – Генеральной, другой – городской. Доказательств вины нет. Но перед ними поставлена цель – кого-то обязательно посадить. Вот тут и начинается фальсификация доказательств и прочий беспредел: свидетелей защиты пытаются представить и допросить как свидетелей обвинения. Это у них не вышло. Все! Ресурс их исчерпан, доказательств в деле нет! Тогда прокурор начинает оглашать описи, зачитывать постановление о составе следственной группы. Ни описи, ни это постановление доказательствами вины не являются. Что может опись доказать? Ничего! Вы должны доказать то, что написано в обвинительном заключении. Понимаете, обвинение начинает выворачивать все наизнанку. Да скажите вы честно, что доказательств нет. Перестаньте, это же человеческая судьба! Нельзя ею играть. Человек сидит под стра-

жей полтора года. Уже один день тяжело, а в наших же условиях – это самая настоящая пытка.

– При всей несовершенности судебной системы, можно ли, на Ваш взгляд, рассчитывать на объективность принятия решений судьями?

– Можно, но для того, чтобы добиться решения иногда приходится пройти две, три стадии рассмотрения дела. Если я уверен в невинности своего подзащитного, то результат почти всегда стопроцентный. Но бывают и такие случаи, как, например, с Юматовым. Его признали виновным в превышении пределов необходимой обороны, потом амнистировали. Я считал, что его надо оправдать полностью, потому что это была

необходимая оборона в чистом виде. Добиться этого я мог, пойти в суд, но не пошел. Юматов был очень болен и этого процесса просто бы не выдержал. Тут пришлось мне, как говорится, «наступить на горло собственной песни». Но в любом случае, одно дело – когда ему вменяли умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, другое – когда это превышение пределов необходимой обороны. Все равно это выигрыш.

– Как Вы считаете, влияет ли авторитет адвоката, его известность на ход судебного разбирательства и принятие решений судьями?

– Конечно. Иногда мне достаточно одного визита. Прихожу и говорю: «Я участвую в этом деле» – вопрос решаете моментально. Так бывает не всегда, но бывает.

– А когда на стороне обвинения находятся такие же «тяжеловесы», как и Вы, это как-то на Вас психологически сказывается?

– Бывает и такое. Но я Вам скажу: есть люди, у которых много звезд, больших звезд, но это не означает, что они тяжеловесы. Я сейчас представляю интересы погибших на «Курске». По существу провожу ревизию деятельности Главной военной прокуратуры. И посему меня «опекает» главный военный прокурор. У нас с ним последнее время встречи чуть ли не раз в неделю. У него своя позиция, у меня – своя. Это тяжеловес? Конечно, тяжеловес. Он профессиональный, знающий человек. Позиции у нас разные, но отношение друг к другу абсолютно уважительное. Но какое у меня может быть уважение к прокурору или к следователю, который фальсифицирует доказательства или материалы дела?

– Что Вы предпринимаете, когда на Вашего подзащитного начинают оказывать давление в ходе судебного разбирательства?

– Я, в свою очередь, оказываю давление на клиента, дабы результат был в его пользу. Понимаете, люди – они слабы. Я с этим столкнулся не так давно: защищал целую группу руководителей одного небольшого, но достаточно успешного предприятия, оно является одним из крупнейших производителей пластиковых карт на российском рынке. Так вот, в отношении их было возбуждено уголовное дело за уклонение от уплаты налогов. Там состава преступления не было. Я был уверен, что мои подзащитные были невиновны, поэтому твердо стоял на своем. Такая жесткая пози-

ция напугала даже этих ребят, они мне начали говорить: «Борис Аврамович, не надо так жестко». Я говорю: «Ребята, бояться – значит, уважают!». И я спокойно дело довел до конца, оно было прекращено за отсутствием состава преступления. Поэтому я считаю, что если ты прав – докажи это. Жесткая позиция проявляется, прежде всего, во взаимоотношениях со следователем, с прокурором, в суде.

– В чем специфика ведения дела за рубежом?

– В знании законодательства страны, норм международного права и в тесном взаимодействии с местными адвокатами.

– Оказывает ли Вам какую-либо поддержку государство, когда Вы защищаете интересы российских граждан или организаций за границей?

– Я защищал интересы российских граждан и в Эстонии, и на Украине. И поддержку, о которой Вы говорите, я действительно ощущал. Когда речь шла о защите интересов наших граждан в Эстонии, я тесно сотрудничал с МИДом; работал с Дмитрием Олеговичем Рогозиным, тогда это был Конгресс русских общин; с Александром Лебедем, возглавлявшим тогда Совет безопасности. По Украине, по российской общине Севастополя меня поддерживал Юрий Михайлович Лужков.

– При принятии Уголовно-процессуального кодекса говорилось, что он позволит хотя бы частично разгрузить суды. Ощущаете ли Вы эту разгрузку?

– Нет. Я думаю, что мы еще долго с этим не столкнемся, пока система не наладится. Не знаю, насколько новый УПК разгрузил суды, но то, что он значительно усложнил работу обвинения и защиты – это точно. И если раньше прокурор мог просто прийти с обвинительным заключением, его прокукарекать и на этом все – сейчас он должен доказывать каждый пункт этого заключения. На него возложена дополнительная нагрузка и дополнительная ответственность. Было такое мнение, что прокуратура к этому не готова, с этим не справится. Ничего, справляется. И я сталкиваюсь – наряду с тем, что, конечно, есть очень низкий уровень прокуроров в суде, – но есть и вполне нормальные профессиональные прокуроры, которые свою позицию четко излагают и отстаивают. И страшного ничего не произошло, абсолютно.

– В прошлом году вступил в силу новый закон об адвокатуре. Насколько существенно он отразился

Капитан фрегата и его любимый адмирал

Каждый адвокат должен побывать в шкуре своего клиента (на презентации книги «Освободить из-под стражи в зале суда»)

С. Л. Тавровским

– Уже несколько лет в России введен мораторий на смертную казнь. Этот нелегкий вопрос постоянно находится во внимании общественности, расколов общество на два лагеря – сторонников и противников смертной казни. Борис Аврамович, к какому лагерю принадлежите Вы?

– Я отношусь к противникам смертной казни. Ведь человек, требующий смертной казни, сам по сути дела становится палачом. Мой 20-летний опыт работы в уголовном розыске говорит о том, что могут быть ошибки. Слава Богу, меня это не коснулось. Но были случаи, когда вероятность ошибки была достаточно велика. Я занимался раскрытием тяжких преступлений, речь шла об убийствах. У нас был серийный убийца в Магадане, 9 трупов в общей сложности. Я возглавлял оперативную группу по раскрытию этого преступления. И тогда я чуть-чуть не поддался на уговоры одного из своих сотрудников. Был человек, который признавал себя виновным. Его никто не бил, не пытал – просто его там покормили, кое-что подсказали, и он начал брать на себя. Когда я с этим столкнулся и стал разбираться, убедился, что это просто больной человек, шизофреник, никого он не убивал. У меня были очень серьезные проблемы с моим

на деятельности института адвокатуры, и на Вашей деятельности, в частности?

– Сейчас пока трудно что-то сказать. Но, с моей точки зрения, закон хороший. Не могу сказать, что там нет недостатков, но он концептуально хороший. Безусловно, на практике адвокат является независимой процессуальной фигурой. Он не подчиняется ни председателю президиума, ни заведующему юридической консультации. У него всегда своя позиция. Соглашения заключаются между адвокатом и клиентом, именно он оказывает юридическую помощь, а не адвокатское бюро. Ну, что такое адвокатская деятельность? Это разновидность индивидуальной трудовой деятельности. Я считаю, что деятельность адвоката

должна лицензироваться государством. Как и во многих странах, надо, чтобы был закон об адвокате, а не положение об адвокатуре, как у нас это было раньше. Адвокатское бюро – это организационно-правовая форма. Адвокаты, конечно, могут для того, чтобы им вместе было удобнее работать, вести финансовые дела, создавать партнерства, бюро и т.д. Тогда адвокат добровольно отдает некоторые свои полномочия этому бюро. Поэтому я считаю, что это очень важный и нужный закон. Но раз мы коснулись вопроса об адвокатуре в целом, то мне бы хотелось еще несколько вещей затронуть. Вы знаете, у нас был такой период, который, к сожалению, пока еще продолжается, когда из-за правовой неурегулированности возникли альтернативные коллегии. В адвокатуру пришло очень много случайных и малопрофессиональных людей. Тогда и сложилась эта тенденция, когда адвокаты заносят деньги судьям, прокурорам. Даже появилась такая адвокатская специализация. Ко мне иногда приходят и говорят: «Вот Вы решите вопрос там с судьями, и все будет нормально». Я всегда отвечаю: «Нет, я этим не занимаюсь. Если вы хотите идти в суд и давать судье взятку, вот вам Уголовный кодекс. И давайте с вами заключим соглашение о том, что я вас буду защищать не по делу, с которым вы ко мне сейчас пришли, а по другому уголовному делу: о даче взятки судье». Но, к сожалению, некоторые адвокаты на подобные соглашения идут. Для меня же самое главное – это моя репутация, она стоит дороже любых денег, любых клиентов. Репутацию потерять очень просто. Восстановить ее – очень и очень тяжело.

руководством. Руководство доложило в МВД, что серийный убийца пойман, дело стояло на контроле в ЦК КПСС. Очень тяжело было доложить, что задержан ошибочно другой человек. Меня отстранили от руководства группой, но мне «повезло»: пока мнимый убийца сидел, настоящий совершил еще одно убийство. Так что дело не только в ошибке, но и в том, что до сих пор существуют такие показатели, как раскрываемость преступлений. Пока эти показатели будут существовать, каждый руководитель милицейского подразделения будет стремиться к тому, чтобы уровень раскрываемости у него был выше. Отсюда определенные требования к сотрудникам, откуда применение незаконных мер.

– Проходят ли практику студенты юридических вузов в Вашем адвокатском бюро?

– Да, проходят, и я всегда присматриваюсь. Как раз основной костяк-то у меня сложился из студентов, которые проходили практику.

– Какое напутствие Вы могли бы дать молодым юристам, в частности, адвокатам?

– Шевелите мозгами! И самое главное: берегите вашу честь и репутацию, это самое дорогое, что у вас может быть. Когда ты ее потеряешь, не заработаешь никаких денег. Экономически выгодно быть честным и порядочным адвокатом и человеком.

Павел АБАКУМОВ
Фото Александра КАРЗАНОВА